

Н. Сладков
В ПОДВОДНОМ ЛЕСУ
ДЕТГИЗ · 1960 г.

Валечке от тети Лизы на Новый год 1961.

За последние несколько лет вышло немало книг, рассказывающих о чудесном мире морских глубин. Яркие краски, диковинные растения, таинственные живые существа, ужасающие своими размерами, — всё это поражает воображение и больше походит на сказку, чем на действительность.

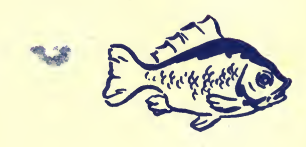
Но пусть читатель не думает, что чудесами полны лишь воды бескрайних океанов и тёплых морей. Много замечательных и самых неожиданных открытий сделает натуралист, опустившись в лёгкой водолазной маске на дно реки или озера.

Интересную книгу о жизни обитателей пресных водоёмов написал для детей Николай Иванович Сладков. На страницах сборника «В подводном лесу» вы встретите своих старых знакомых: зубастую хищницу щуку, серебристую лёгкую плотвичку, колючего ерша; краснопёрого окуня, но узнаете о них много нового, до сих пор скрытого от вас.

Рассказы Николая Ивановича Сладкова поэтичны и образны, они проникнуты глубокой любовью к жизни и верой в силу человеческого разума, способного в век колоссального развития техники сберечь богатства и красоту гор, лесов, полей, озёр и рек нашей прекрасной страны.

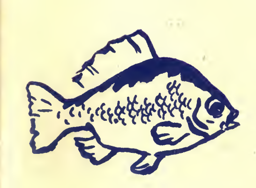

Н. СЛАДКОВ

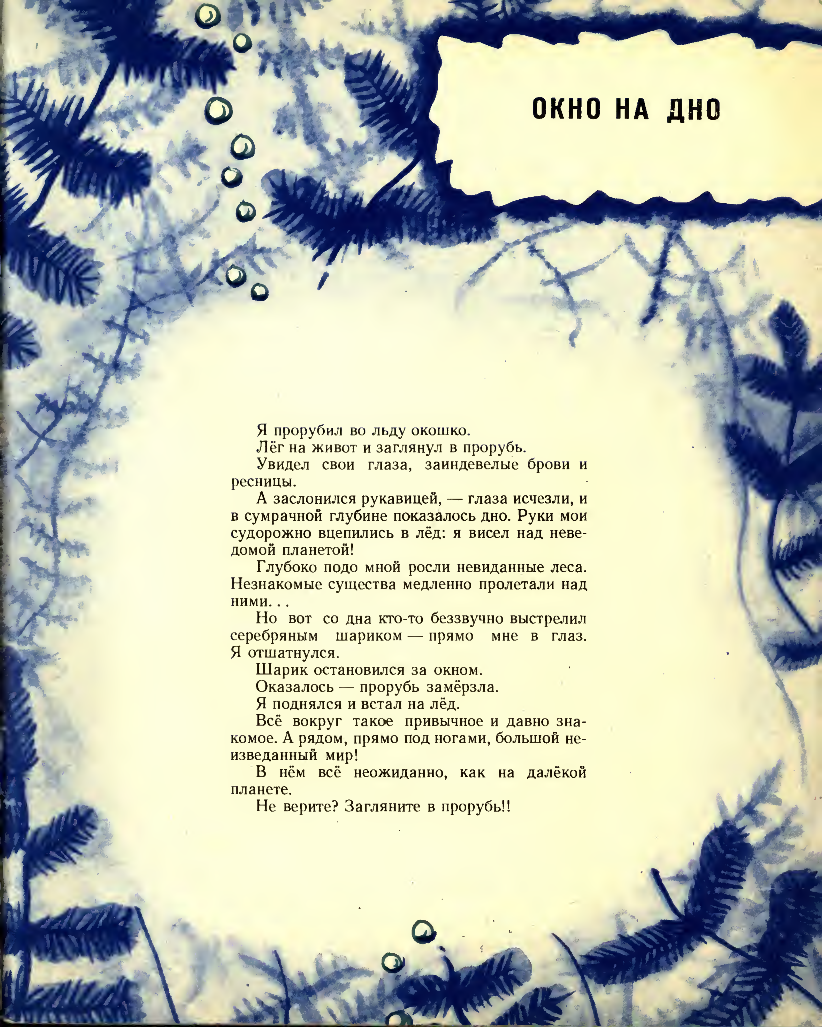
В ПОДВОДНОМ ЛЕСУ

РИСУНКИ Ю. СМОЛЬНИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАД 1960

ОКНО НА ДНО

Я прорубил во льду окошко.

Лёг на живот и заглянул в прорубь.

Увидел свои глаза, заиндевелые брови и ресницы.

А заслонился рукавицей, — глаза исчезли, и в сумрачной глубине показалось дно. Руки мои судорожно вцепились в лёд: я висел над неведомой планетой!

Глубоко подо мной росли невиданные леса. Незнакомые существа медленно пролетали над ними. . .

Но вот со дна кто-то беззвучно выстрелил серебряным шариком — прямо мне в глаз. Я отшатнулся.

Шарик остановился за окном.

Оказалось — прорубь замёрзла.

Я поднялся и встал на лёд.

Всё вокруг такое привычное и давно знакомое. А рядом, прямо под ногами, большой неизведанный мир!

В нём всё неожиданно, как на далёкой планете.

Не верите? Загляните в прорубь!!

ПОД ВОДОЙ

В подводном мире всё не так, как у нас на земле.

Передвигаться там нужно не стоя, а лёжа. Там очень трудно шагать, но зато просто летать. А прыгать там лучше всего вниз головой.

Руки и ноги в этом мире становятся на треть короче, а рыбы, раковины и водоросли — на треть своего роста длинней. Вода сплющивает расстояния и увеличивает предметы.

В подводном мире никогда не бывает дождя и снега. На небе там не звёзды, не тучи, а волны. Между волн перекатываются пузырьки воздуха — блестящие, как звёздочки!

Зимой там не бело, а черно́ — всю зиму непроглядная ночь.

Там нет горизонта — черты, где земля сходится с небом.

По земле подводного мира не скачут весёлые солнечные зайчики. Там колышутся широкие солнечные ленты — о́тсветы волн и солнца. Лиловые тени от красных деревьев лежат на зыбкой серой земле. Мягкая зелёная дымка заволокла всё вокруг — нет ни резких теней, ни острых углов.

Всё, неверно, призрачно и таинственно.

Всё не так, как у нас на земле.

* * *

Я еле дождался лета: так не терпелось спуститься под воду и увидеть рыб.

Наши озёрные рыбы — не диковина. Ерши, плотва, окуни, щуки, — кто их в руках не держал?

Но одно дело — рыба в руке, а другое — в воде. В воде рыба дома, там она живёт. А в руке рыба снёт — умирает.

У снулой рыбы даже цвет не живой — блёклый.

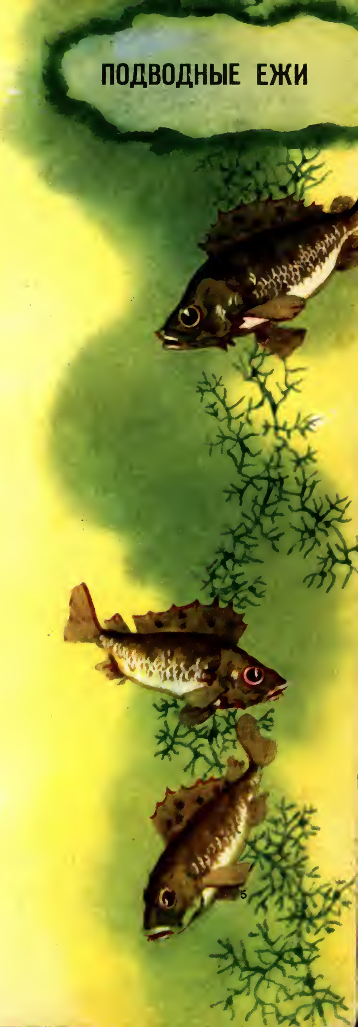
Рыбаки говорят, что снулая рыба в я н е т.

А то ли дело рыбы живые! Яркие, быстрые, резвые!

Кому на таких посмотреть неохота!

На лицо я надел водолазную маску. Ноги сунул в резиновые ласты. Стал я похож на одноглазую лягушку. И, как лягушка, нырнул в воду.

ПОДВОДНЫЕ ЕЖИ

В ерше, как в еже, главное — колючки.

Голова, хвост, колючки посредине — вот и весь ёрш.

И ещё глаза: тёмно-синие, большие, как у лягушки.

Ростом ёрш — с мизинчик. А если с указательный палец, то это уже ершовый старик.

Напугали меня эти старики. Плыву и вижу: дно зашевелилось! Зашевелилось и уставилось на меня точками тёмных глаз.

Это ерши — старик к старику! Хвосты, головы, колючки — всё такое же пятнистое, как дно.

Я повис над ершами, свесив ласты.

Ерши насторожились.

Пугливые вдруг стали падать на дно, выгибаться и нарочно поднимать облачка мути.

А сердитые и отважные взъершили на горбу колючки — не подступись!

Как ястреб над воробьями, стал я кружить над ершовой стаей.

Ерши выжидали.

Я стал похрипывать в дыхательную трубку.

Ерши не испугались.

Я вытаращил глаза, — им хоть бы что!

Тогда я... — чуть не сказал: «плюнул на ершей»... Нет, я не плюнул, под водой ведь не плюнешь, а махнул на ершей ластом и поплыл прочь.

Да не тут-то было!

От резкого взмаха ластом со дна взмыла и завихрилась муть. Все ерши устремились к ней: ведь вместе с мутью поднялись со дна вкусные червячки и личинки.

Чем быстрее я работал ластами, торопясь уплыть, тем больше поднимал со дна ила.

Тучи ила клубились за мной, как тёмные грозовые облака. За тучами тянулись стаи ершей.

Отстали ерши только тогда, когда я выплыл на глубину. Но на глубине мне стало не по себе. Я ещё не привык к глубине — это были мои первые шаги под водой.

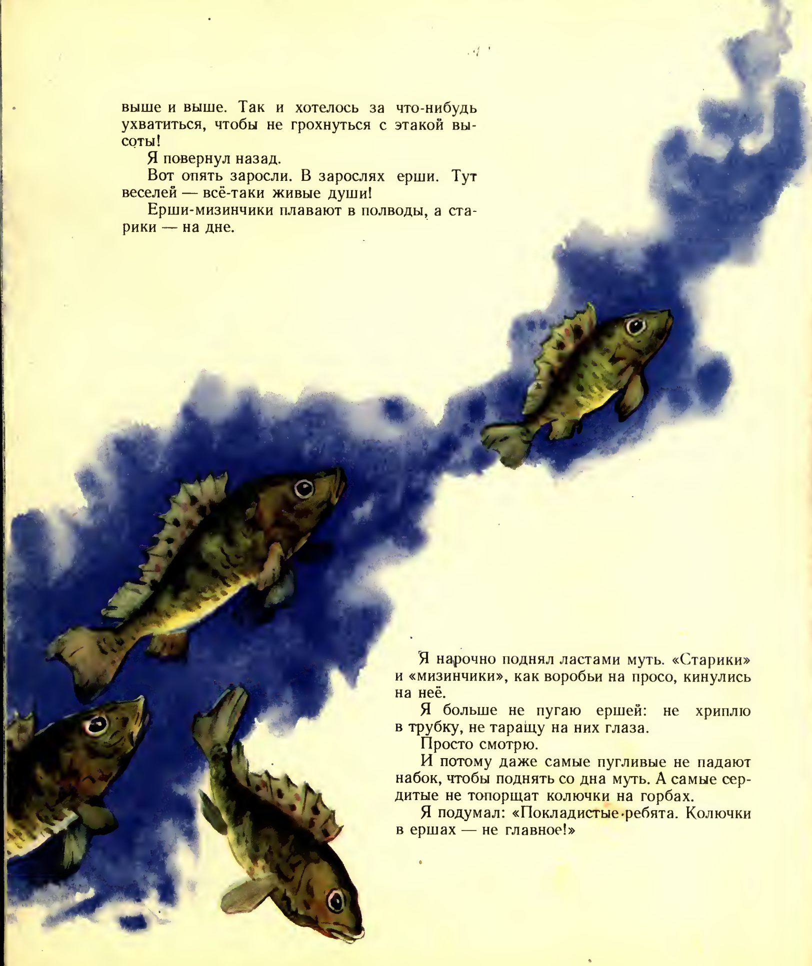
Дно опускалось всё глубже и глубже. А мне казалось, что я лечу над землёй и взмываю всё

выше и выше. Так и хотелось за что-нибудь ухватиться, чтобы не грохнуться с этакой высоты!

Я повернул назад.

Вот опять заросли. В зарослях ерши. Тут веселей — всё-таки живые души!

Ерши-мизинчики плавают в полводы, а старики — на дне.

Я нарочно поднял ластами муть. «Старики» и «мизинчики», как воробьи на просо, кинулись на неё.

Я больше не пугаю ершей: не хриплю в трубку, не таращу на них глаза.

Просто смотрю.

И потому даже самые пугливые не падают набок, чтобы поднять со дна муть. А самые сердитые не топорщат колючки на горбах.

Я подумал: «Покладистые ребята. Колючки в ершах — не главное!»

ПЯТОЕ ИМЯ

Плотвицы совсем как ласточки: стройны, быстры, непоседливы. Но цветом они на ласточек не похожи.

В воде плотвицы кажутся серыми, и рыбаки иногда называют их за это серянками. Или краснопёрками — за красные плавнички.

Плотвицы всегда в движении. То серыми тенями шныряют между водорослей, то разом взметнутся, блеснут, как солнечные зайчики. За этот блеск плотву зовут ещё серебрянкой.

Есть у плотвы и ещё одно имя — четвёртое.

Как-то пробирался я сквозь заросли и выплыл на подводную полянку. Пусто на полянке. Одни пузырьки, будто белые мотыльки, взлетели вверх.

И вдруг вокруг меня вихрем закружили красные искры!

Я даже вздрогнул — глаза!

Красные, блестящие, как огоньки.

Мимо таких глаз не проплывёшь, остановишься: не глаза, а настоящие стоп-сигналы!

За красные глаза многие рыбаки зовут плотву красноглазкой.

Столько имён у плотвы: серянка, краснопёрка, серебрянка, красноглазка! И все хороши.

Но будь моя воля, дал бы я плотвицам пятое имя — водяная ласточка.

РЫБЯТА

Светло и весело под водой в солнечный день!

Особенно на мелководье. Там, на песчаных полянках, растут длинные и тонкие водоросли, похожие на зелёные волосы.

На эти полянки из холодной и сумрачной глубины выплывают мальки — принять солнечную ванну. Мальки толкутся на поляне, как комары-толкуны.

Проплывёшь сквозь мальковый рой — будто под грибным дождиком пробежишь. Всё вокруг сверкает, и тело щекочут лёгкие «дождинки». Мальки заглядывают в маску, виляют хвостишками у самого носа. Но поймать их так же невозможно, как и схватить падающие капли дождя.

Мальки всегда очень заняты. То они сосут листики — зелёные соски, — то подвешиваются на губах к водорослям и висят блестящими росинками. Жадные хватают мух с подводного неба, а любопытные суют свой нос в наш мир.

Пронеслась однажды над водой бабочковая метель. Легкокрылые мотыльки устлали воду белыми крылышками. Мальки сейчас же высунули носы из воды. Но тут вдруг страшная чёрная тень пронеслась над их носами. Мальки в ужасе брызнули вниз.

Я вынырнул и успел увидеть чёрное чудовище. Это была... ласточка! Она подхватывала упавших на воду мотыльков.

Вот натерпелись мальки страху!

Но рыбята, как и все ребята, не любят унывать. Унеслась ласточка, — все за дело. Кто нос в небо, хвостик вниз; кто листик сосёт; кто мотылька за крыло тянет.

Катят по небу серые волны. Колышутся по дну широкие жёлтые ленты.

Между волн перекатываются шарики воздуха, а между жёлтых лент покачиваются мальки. Блестящие, как капельки солнца.

Светло и весело под водой!

РЫЦАРЬ

Никто и никогда не нападал на меня в воде. Даже большие зубастые щуки. И вдруг — нападение!

Накинулся малыш, ростом с палец. Тело его защищено широкими блестящими пластинками-чешуйками. Как у рыцаря, закованного в латы. На горбу трезубец — три колючки. На груди ещё две, как два кинжала.

Рыцарь грозно растопырил все свои пять колючек и бесстрашно встал на моём пути. Он прямо весь потемнел от гнева, и глаза его позеленели от злости.

Рыцарь был смел и красив. Спина у него была синего цвета, бока — как серебро, а щёки — малиновые.

Я протянул к нему палец. Он кинулся вперёд, и из пальца вязкой струйкой потянулась вверх кровь.

Я попятился назад, поднимая ластами тучи ила. Скорей укрылся за кустом пушистого роголистника и стал смотреть.

И тут открылась мне тайна маленького смелого рыцаря: оказывается, он сторожил свой дом!

Дом его размером с кулак и похож на кулак, неплотно сжатый: с одной стороны вход, с другой — выход. В домике была икра.

Никто не мог безнаказанно приблизиться к его дому. Грозя колючками, он бросался даже на проплывающих больших рыб. Проплыла над домиком, извиваясь, как чёрная лента, пиявка. Рыцарь весь побагровел, вцепился в пиявку зубами и стал трепать её, как треплет собака крысу. Водяного скорпиона он схватил за ножку, уволок под широкий лист кувшинки и там выплюнул.

Ни на миг он не забывал

о врагах. Даже проплывающий листик и шевелящаяся тень выводили его из себя. Он «менялся в лице», глаза его зеленели, и на скулах выступали красные пятна. Даже живот краснел.

По цвету его живота можно было узнать его настроение.

Блестели латы: рыцарь готов был к бою и с крохотным жучком-гладышем и с великаном человеком.

Кто бы мог подумать, что даже простая колюшка может стать рыцарем, если угрожать её дому!

Колюшка-мама откладывает икру, а колюшка-папа икру стережёт и пасёт своих непоседливых колюшат — очень заботливая рыбка. Самых бойких и непослушных колюшка-папа хватает ртом, тащит к дому и выплёвывает прямо в дверь.

Говорят, что если разорить колюшкин дом, то колюшка-папа от горя бледнеет — совсем теряет свою яркую боевую окраску. И даже перестаёт есть.

Мне совсем не хотелось, чтобы такая красивая и бойкая рыбка стала бледной и скучной. Я выбрался из куста роголистника и поплыл в сторону от рыбьего дома.

ОЗОРНИКИ

Рыбаки направили меня к тростникам.

— У тростников окунёвый жор, — говорили они. — Окуни там — кипят!

По-нашему, по-земному, это значит — озорничают. Плещутся, высовывают из воды спины, бьют хвостом.

Я все тростники исплавал, — нет окуней! Сколько ни вглядывался, — только серое дно, махровые тростники, зелёная дымка. . .

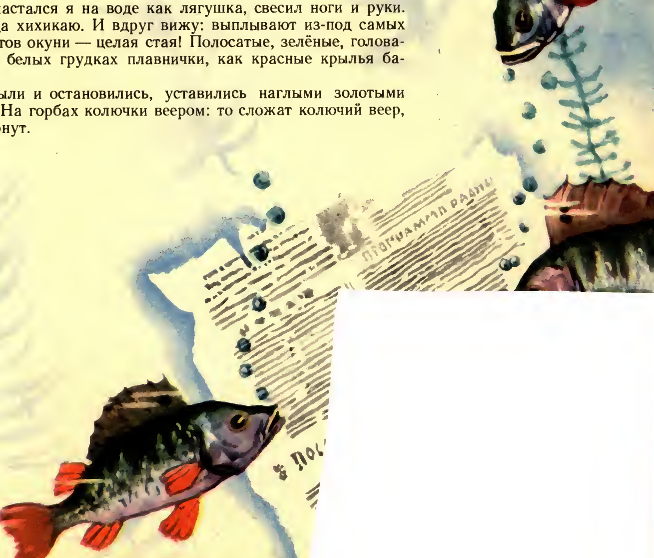
Стал я замерзать.

А когда в воде замёрзнешь, то дышать начинаешь так, будто подсмеиваешься над кем-то. Рыбаки на берегу руками разводят: посинел весь, а ещё хихикает!

Но мне не до смеха.

Распластался я на воде как лягушка, свесил ноги и руки. От холода хихикаю. И вдруг вижу: выплывают из-под самых моих ластов окуни — целая стая! Полосатые, зелёные, головастые. На белых грудках плавнички, как красные крылья бабочек.

Выплыли и остановились, уставились наглыми золотыми глазами. На горбах колючки веером: то сложат колючий веер, то развернут.

Заругаешься тут! В полголоса, конечно, а то ведь и захлебнуться недолго!

Я их в тростниках ищу, замерзаю, а они позади тайком плавают! Разглядывают — что за чудо-юдо хихикает?

Любопытные эти окуни!

Знал я одну полянку на дне. На полянке лежала утонувшая газета. Когда ни заплыву — на полянке окуни. Толстые головы вниз, губами белыми шевелят, будто газету по складам читают.

Я фыркну в трубку, — грамотеи в кусты!

Нырнул я на дно, посмотреть, что в газете написано. Да ластом дно задел, газета колыхнулась и... рассыпалась на буковки!..

Озорники окуни. Один так плотвичку пугнул, что та как прыгнет — и угодила прямо в чёлн к рыбаку. Я одного ластом поддал, он отскочил и встал у меня под самым животом. Да ещё и ощетинился — того и гляди голый живот колючками проткнёт!

Зато уж разглядывай окуней, сколько хочешь.

Разглядел я одного безгубого. Видно, червяка с крючка стаскивал и губу свою на крючке оставил. Знал одного одноглазого. При встрече даже здоровался с ним. Промычу, бывало, в трубку: «Здорово, кривой!» — окунь сразу ко мне уцелевшим глазом повернётся, белыми губами зашевелит. Наверное, рыбаков ругает, что они ему глаз вырвали.

Я к нему, — он от меня. И всё ругается. Вот вырви-глаз! Схватить бы ругателя за жабры, да руки-то под водой коротки!

Много разной рыбы кипит у тростников.

Но самые красивые, самые смелые — окуни.

А уж озорники — беда!

ДОМИКИ НА НОЖКАХ

Заплыл я в дремучий подводный лес. И вижу: стоит на поляне домик на шести ножках. Рядом — ещё домики. И каждый построен по-особому.

Один слеплен из разноцветных камешков: красных, белых, зелёных. Другой — из ярких надкрылий жуков. Третий — из маленьких перламутровых раковин. Есть из еловых хвоинок, из палочек и травинок.

Целый подводный городок!

Над городком зелёный рассвет. Чёрный клоп-гладыш набрал под надкрылья воздух и пролетел над городком, как блестящий самолёт. Словно ракета, толчками качая воду, промчала личинка стрекозы.

Городок проснулся. Нет, не высыпали на его улицы весёлой гурьбой обитатели домиков. Проснулись, сдвинулись с места и зашагали сами дома!

Зашагал домик из разноцветных камешков. Пополз перламутровый дом. Домик из хвоинок засеменил, как рассерженный колючий ёж. Быстро бежит на шести-то ногах!

Живёт в домике не баба-яга, а «шитик» — личинка ручейника. Куда ни пойдёт — домик на себе несёт. Где еды много — остановится, поживёт немного. Другие домики подойдут — опять целый городок.

Подрастёт «шитик», мал домик станет — пристройку сделает. Скрепляет песчинки или хвоинки паутиной и внутри паутиной выстилает.

И происходит в домике чудо: подводный червяк превращается в надводную бабочку. У червяка вырастают крылья! Прямо как в сказке. Да другого и быть не может: домик-то не простой, а на ножках. Сказочный домик!

ВОЗДУШНЫЙ ЗА́МОК

В сумрачный день плыл я под водой. Тёмное всё вокруг: тёмное дно, тёмные водоросли. И тёмные рыбы, как летучие мыши, порхают над головой.

Я уже собрался вынырнуть из сумрачного и скучного подводного мира, как вдруг впереди, в самой гуще зарослей, вспыхнул солнечный зайчик.

— Наверное, солнце выглянуло из-за туч.

Но нет — всё вокруг осталось таким же тёмным. Только солнечный зайчик светил впереди.

Я отвёл от лица пышную водоросль и увидел... воздушный за́мок!

За́мок был настоящий. Но не было здесь ни мрачных каменных стен, ни окон-щелей, ни ступеней, похожих на могильные плиты, ни ржавых чугунных ворот.

За́мок был из воздуха. Из воздуха стены, из воздуха купол, из воздуха пол — всё из воздуха! За́мок просвечивал насквозь и светился, будто освещённый изнутри.

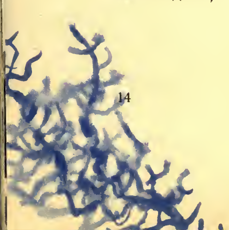
Сам владелец за́мка сидел в воздушном зале. Он ел. Мохнатыми ручищами подносил пищу к заросшему щетиной рту и не спеша жевал...

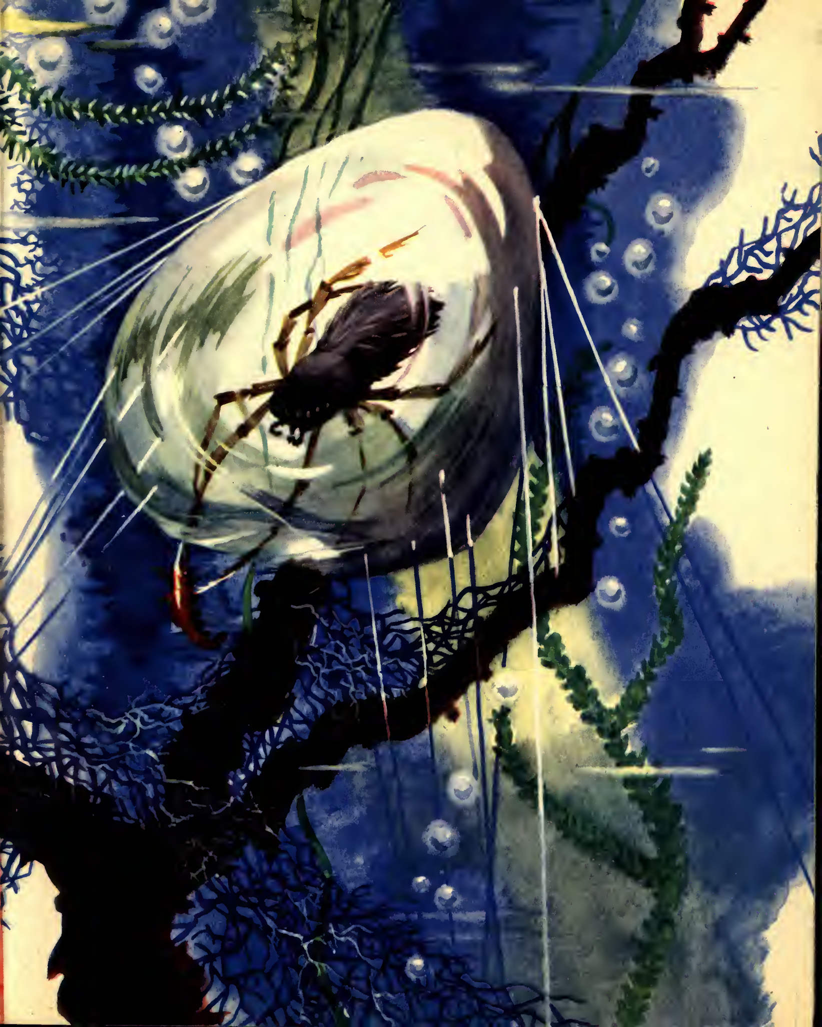
Вот он перестал жевать и уставился сквозь прозрачную стену на меня. Он смотрел во все глаза, а глаз у него было восемь.

Вот зашевелился, вот медленно выполз из дома и — вдруг полетел вверх, как птица! Только птица в полёте машет крыльями, а владелец за́мка не спеша перебирал мохнатыми ногами, будто шагал. И ног у него тоже было восемь.

Дошагал до подводного неба, перевернулся и высунул круглое брюхо в надводный мир. Высунул и... опоясался воздушной лентой, как серебряным пояском!

Назад он уже бежал. Бежал с неба на землю. Добежав до своего дома, он приложил серебряное брюхо к воздушной

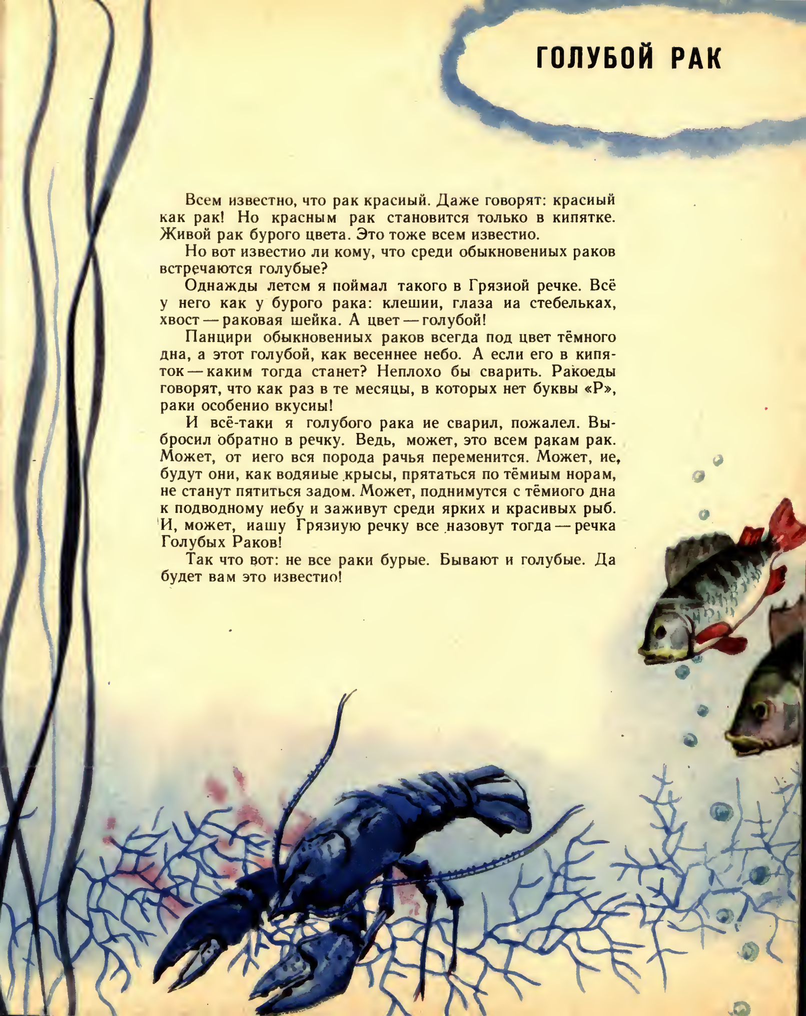

стене, будто положил кирпич. Так он таскал и таскал сверху воздушные кирпичи — достраивал воздушный за́мок. Последний пузырёк он втолкнул внутрь — для дыхания. И забрался туда. Вздохнул и зажевал.

Вы поняли, что это мохнатое чудовище всего-навсего маленький подводный паук «серебрянка», или, как его ещё называют, «серебряная пряжка». Он строит свой домик из воздуха. Но вода сильно увеличивает предметы. И когда я смотрел на паука сквозь толстое стекло маски, мне представлялось, что передо мной настоящий страшный хозяин настоящего воздушного за́мка. Впервые в жизни я своими глазами увидел, как строят воздушные замки. Оказывается, их не только можно строить, но можно даже и жить в них.

ГОЛУБОЙ РАК

Всем известно, что рак красный. Даже говорят: красный как рак! Но красным рак становится только в кипятке. Живой рак бурого цвета. Это тоже всем известно.

Но вот известно ли кому, что среди обыкновенных раков встречаются голубые?

Однажды летом я поймал такого в Грязной речке. Всё у него как у бурого рака: клешни, глаза на стебельках, хвост — раковая шейка. А цвет — голубой!

Панцири обыкновенных раков всегда под цвет тёмного дна, а этот голубой, как весеннее небо. А если его в кипяток — каким тогда станет? Неплохо бы сварить. Ракоеды говорят, что как раз в те месяцы, в которых нет буквы «Р», раки особенно вкусны!

И всё-таки я голубого рака не сварил, пожалел. Выбросил обратно в речку. Ведь, может, это всем ракам рак. Может, от него вся порода рачья переменится. Может, не будут они, как водяные крысы, прятаться по тёмным норам, не станут пятиться задом. Может, поднимутся с тёмного дна к подводному небу и заживут среди ярких и красивых рыб. И, может, нашу Грязную речку все назовут тогда — речка Голубых Раков!

Так что вот: не все раки бурые. Бывают и голубые. Да будет вам это известно!

САНИТАР

Сумрачно под водой — туча закрыла солнце.

Дно потемнело и опустилось в глубину. Мои жёлтые руки вдруг стали зелёными. По зелёным рукам забегали чёрные мурашки — это закружили вокруг меня рыбьи мальки. Без солнца даже серебряные мальки стали чёрными.

Я тихо гребу ластами, настороженно вглядываюсь в тёмные заросли. Вот тепляк — затонувшее бревно. Вот стебли водяной травы. Они бледные, будто выросли в тёмном погребе. А вот. . . глаз! Он тоже какой-то травяной — жёлтый, с зелёным зрачком.

Вдруг всё вокруг просветлело. Дно поднялось, водоросли надвинулись со всех сторон. Зелёные руки стали жёлтыми. Солнце выглянуло из-за туч!

Тут я понял, кто следит за мной зелёным глазом — щука! Плосконосая, с презрительно выпяченной нижней челюстью. Водяной волк!

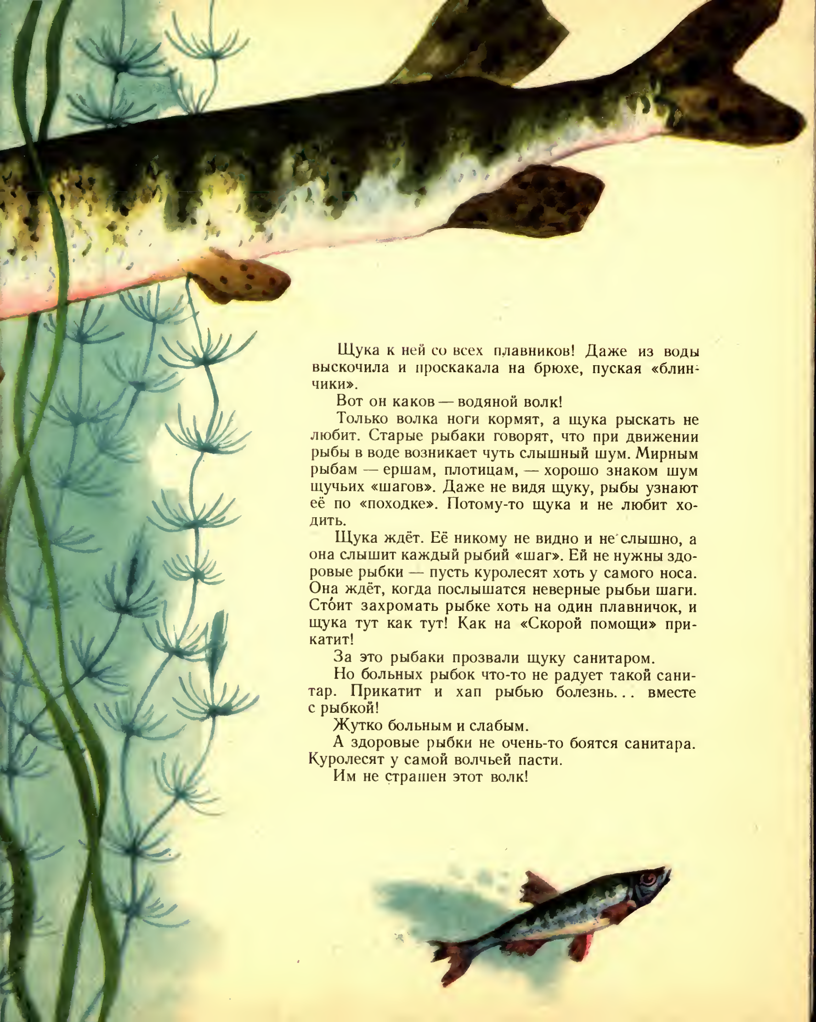
Мальки щуку не видят. Толкутся у щучьего носа серебряным облачком. Чуть хвостишками нос не щекочут. Сами в рот просятся.

А щука и плавником не ведёт!

Стайка искроглазых плотвиц пролетела рядом.

Водяной волк и не шевельнулся!

Но вот плывёт вперевалку тощая уклейка. Полхвоста объедено, на спине болячка, на боку ссадина. Смотреть противно!

Щука к ней со всех плавников! Даже из воды выскочила и проскакала на брюхе, пуская «блинчики».

Вот он каков — водяной волк!

Только волка ноги кормят, а щука рыскать не любит. Старые рыбаки говорят, что при движении рыбы в воде возникает чуть слышный шум. Мирным рыбам — ершам, плотицам, — хорошо знаком шум щучьих «шагов». Даже не видя щуку, рыбы узнают её по «походке». Потому-то щука и не любит ходить.

Щука ждёт. Её никому не видно и не слышно, а она слышит каждый рыбий «шаг». Ей не нужны здоровые рыбки — пусть куролесят хоть у самого носа. Она ждёт, когда послышатся неверные рыбьи шаги. Сто́ит захромать рыбке хоть на один плавничок, и щука тут как тут! Как на «Скорой помощи» прикатит!

За это рыбаки прозвали щуку санитаром.

Но больных рыбок что-то не радует такой санитар. Прикатит и хап рыбью болезнь... вместе с рыбкой!

Жутко больным и слабым.

А здоровые рыбки не очень-то боятся санитара. Куролесят у самой волчьей пасти.

Им не страшен этот волк!

БОЛТЛИВЫЕ ОКУНИ

Когда я ещё маленьким был, удил я как-то на Чёрной речке. Ну, поймал двух окушков-недомерков. Если бы я удил на озере Светлом или Голубом, — другое бы дело. Но Светлое и Голубое для меня строго-настрого заказаны.

— Вот в пятый класс перейдёшь — тогда шагай. А чтоб сейчас — ни-ни!

А до пятого класса ещё почти всё лето, вся осень, зима и весна. Попробуй вытерпи! Одиннадцать месяцев, триста тридцать пять дней! Нет, столько не вытерпеть. Не стоит и пробовать.

Да и не один я на озеро пойду! Пойду с зорькой, вернусь с зорькой. А пристанут — скажу, на Чёрной речке удил. Рыба немая, не проговорится. И сам буду молчать как рыба.

Отвёл я душеньку!

Сперва, правда, чтоб совесть не очень мучила, на речке поудил. Ну, поймал недомерков-мизинчиков — то не ловля! И подался я тогда на озёра. Вот уж где поплавком по воде постучал! И на Светлом и на Голубом.

Червяки у меня — сам бы ел! Окушки с ладонь засекаются, успевай только вываживать. Наловил окуней полон кукан. И с вечерней зорькой домой. Как по воздуху лечу, ног под собой не чувствую. Рука с куканом занемела, шнур в пальцы впился. Первый раз столько наловил — вот ахнут!

И ахнули...

— Где ловил? — прищурился на окуней отец.

— Всё где, да где! — отвечаю. — Известно где, на Чёрной речке!

— Ах ты врун несчастный! — ахнул отец. — На Светлом и на Голубом ловил!

— Ах ты ж, господи! — ахнула мать. — Один, без спроса, как не утонул!

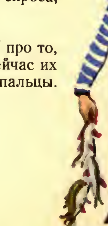
И заахали, и заохали!

Я уж и кукану тяжёлому не рад. Молчу как рыба. И про то, что не один я на озёра ходил, а с зорькой, — молчу. Сейчас их этим не рассмешишь — уж я-то знаю! Стою, растираю пальцы.

Но в первую же передышку спрашиваю отца:

— Какой болтун тебе про озеро наболтал?

— Окуни твои разболтали!

«Ага! — смекаю. — Ничего-то он не знает. На удочку меня ловит! Окуни — рыба. Молчат».

Говорю разведывательно:

— Я и на речке ловил.

— Знаю, что ловил! — отвечает отец. — Вот эти окушки мне про речку сказали! — И тычет мне в нос тех самых окушков, которых я на речке выудил!

Я даже руку растирать перестал. Всё знает. Окуни выдали!

А отец дальше:

— Вот этих ты на Светлом поймал, а этих — на Голубом. — Пальцем тычет в окуней и хоть бы на одном ошибся!

— Ладно, — говорю, — не утонул же!

— Рыба хоть и немая, но не глухая! — говорит отец. — Страсть не любит, когда при ней врут. До того не любит, что даже говорить начинает и с головой выдаёт врунов!

Говорит так отец, а сам окуней моих на три кучки раскладывает. Разложил и позвал мать.

— Я уеду скоро, так вот знай. Зелёные окуни — из Светлого озера. Вода там прозрачная, чистая, зелёного тростника и камыша много. И окуни в нём живут зелёные. А вот эти окуни, с голубизной, — из Голубого. Вода в озере голубоватая — вот и окуни под цвет воды. А в Чёрной речке дно торфяное и вода в ней, как крепкий чай. И окуни — видишь? — буроватые. Так ты без меня по окуням проверяй — врёт сын или нет. Как принесёт голубых, либо зелёных — бери палку!

Отец матери наставление читает, а я уставился на голубых и зелёных окуней — глаз отвести не могу! Будто впервой их увидел. Забыл, что и выдали они меня. Как у них с расцветкой-то здорово получается! Какая вода — такие и окуни.

Вспомнил я, что говорили пастухи про какое-то Жёлтое озеро, да ещё про Синее. Много разных озёр в нашем краю.

Эх, скорее бы это будущее лето, скорей бы пятый класс! Подумать только, до новых каникул ещё одиннадцать месяцев! Триста тридцать пять дней!

Не утерплю, не миновать мне палки!

РЫБЬИ ПЛЯСКИ

До восхода висело над горизонтом лиловое облачко с огненным ободком. Солнце поднялось багровое и всё — земля и небо — окрасилось в красный цвет. Сижу под ивовым кустом с узкими красными листьями. Над головой свистят утки, и крылышки у них розовые.

Необыкновенный рассвет!

Красные волны дробятся в красной реке. Алые клубы пара шевелятся над волной. Чёрные чайки с криками мечутся в вышине, как чёрное вороньё в зареве пожара. Будто обожжённые, они заламывают крылья и падают в горящую реку, выплёскивая снопы искр.

Всё ближе чайки, всё резче их крики.

И вдруг из красных волн стали выпрыгивать чёрные рыбки. Узкие, как листики ивы. Вылетят стоймя и стоймя же, хвостом вниз, падают в красную воду. Вот вылетел целый косячок, и рассыпались веером. Вот опять: одна за одной, одна за одной!

Рыбьи пляски! Гляжу во все глаза!

Неужто и рыбья кровь вспыхнула в это удивительное красное утро?

А посреди реки, в сутолоке волн, движутся два чёрных пятнышка: пятнышко поменьше и пятнышко побольше. Из воды торчит плоская головка да спина горбинкой. Выдра! Вот нырнула, будто растаяла, а из воды тотчас выметнулись рыбки и заплясали: вверх — вниз, вверх — вниз!

Чайки увидали — упали, заломив крылья. Стали хватать рыбок прямо на лету.

Всё стало обыкновенно.

Солнце поднялось, и чёрные чайки стали белыми, чёрные рыбки — серебристыми, красная вода — серой. Лиловое облачко на горизонте шевельнулось и растаяло.

Хищники — чайки и выдра — вслед за пляшущими рыбками скрылись за поворотом реки.

Я лежал у коряги и записывал то, что видел. Начал писать на красном листочке, а кончил на золотом.

НА ЛУННОЙ ДОРОЖКЕ

Хорошо плыть ночью по лунной дорожке!

Справа и слева от тебя чёрная стена, а впереди дорожка золотая — прямо на луну! Плывёшь и бросаешь в темноту полные пригоршни лунного золота.

Если голову окунуть и посмотреть под воду, то и на дне увидишь светлую тропинку. Неясные тени движутся по ней: кто-то ходит по лунной тропе. Чьи-то извилистые следы-бороздки пересекают её.

Я плыл и напряжённо вглядывался в диковинный извилистый след. Лунный свет, как блестящие чешуйки рыб, искрясь, оседал на дно. Дно слабо светилось.

В конце следа я увидел большую, похожую на гигантское семячко подсолнуха, чёрную раковину. Это она пробороздила песок.

Раковина была старая, вся испещрённая тёмными годовыми полосками: сколько на раковине полосок, столько раковине лет. Каждый год морщинка.

Створки у раковины приоткрыты, и в щель, как сквозь чёрные губы, высунулся белый язык. Раковина прислушивалась. Я-то знал, что в белом языке моллюска скрыт орган слуха. Но язык — не ухо. И даже не язык, а нога: с её помощью раковина передвигается. Ногой идёт, ногой слушает!

Очень смешное животное: тело есть, нога есть, сердце есть, даже рот есть, а вот головы — нету! Учёные раньше так и называли их — семейство безголовых.

Не очень-то хорошее название, мне по душе другое: жемчужницы. Так называют их рыбаки. За то, что внутри этих раковин часто находят настоящий жемчуг.

Жемчужина похожа на капельку ртути или пузырёк воздуха: вся она светится и переливается.

Рыбаки говорят, что в лунные ночи, когда жемчужница приоткрывает створки раковины, туда проникает капелька лунного света: из него-то и вырастает жемчужина.

Это так и не так.

Действительно, жемчужница открывает створки, действительно, что-то проникает вовнутрь и действительно вокруг этого «чего-то» нарастает жемчужина. Но только это не капля лунного света, а простая песчинка.

Ловцы нашего пресноводного жемчуга считают, что нужно открыть тысячу раковин, чтобы найти одну жемчужину. Так что одну раковину мне не стоило и проверять.

Но мне повезло. Я проверил и сразу нашёл крупную жемчужину.

Вот она какая!

ОСЕНЬ ПОД ВОДОЙ

Вы купаетесь — раздеваетесь, а я купаюсь — одеваюсь. Надеваю тёплое бельё, тёплые брюки, тёплую куртку. На ноги натягиваю шерстяные носки, а на руки — шерстяные перчатки.

Поверх всего — резиновый костюм.

На лицо маску, на ноги ласты — и в воду.

Вы купаетесь летом, а я купаюсь и поздней осенью. Смотрю, какова осень под водой.

Холодно осенью в подводном лесу. Бешеный ветер гонит тяжёлые злые волны. Жёлтые тростники клонятся, будто заглядывают в глубину. В глубине всё в движении. Ёрзают на дне утонувшие листья. Покачиваются обомшелые тростинки. Набухшие брёвна-топляки переваливаются с боку на бок.

А над озером высокое синее небо. На берегах берёзки — горящие свечи. Трепетные красные осинки. Золотая осень.

В подводном лесу золотой осени не бывает. Осень под водой всегда хмурая. Стынет от воды лицо. Не шуршат листья, не посвистывает ветер. Вокруг пустынно и глухо.

Ветви водорослей поломались, поникли, обвисли. Всё поблёкло и покрылось густым слоем мути.

Не играют быстрые блестящие рыбки. Рыбы опустились в тёмную глубину. Лягушки сбились в кучу и зарылись в густой ил. Одни зеленоглазые щуки быстро уходят, поднимая хвостами муть. Длинные тонкие водоросли шевелятся, как ленивые сонные змеи. . .

Землю скоро укутает снег — наступит белая зима. А воду затянет лёд.

И под водой настанет долгая ночь — чёрная зима. И на земле, и под водой все с нетерпением будут ждать прихода зелёной весны.

ГОЛУБЫЕ СТОЛБЫ

Мох колыхался под ногами, как пружинный матрас. Видно было: подо мхом кругами расходились волны. Раскачивались кривые и хилые сосёнки.

Когда-то тут было озеро.

Оно и сейчас здесь, только сверху его затянуло мхом. Во мху там и тут дыры — «окна». Вода в окнах как чёрное стекло. Подойти к такому окну трудно: моховая дернина прогибается и тонет...

Я лёг на живот, растопырил широко руки и ноги и пополз. Дополз до «окна», надел на лицо маску, вдохнул через трубку воздух и, как тюлень в прорубь, соскользнул в воду. День сразу сменился ночью. Я опускался в глубину, и светлое окно надо мной становилось всё меньше.

Вот и дно: вязкое и холодное. Я по пояс утонул в нём, а под ногами всё какая-то жидкая каша.

Высоко над головой чёрный моховой потолок с голубыми дырами-окнами. В каждое окно врывается свет и, как голубой столб, упирается в дно. Казалось, что вся чёрная моховая крыша держится на этих голубых столбах.

На одном вдохе долго под водой не просидишь. Я рванулся вверх и угодил в соседнее окно. Это было даже не окно, а скорей форточка: только-только просунуть голову и плечи. Я просунулся в неё, и лягушки, которые сидели вокруг форточки, в ужасе запрыгали в сторону от воды.

Жутко было торчать в моховой дыре, свесив ноги в чёрную глубину. Но уж очень заманчив был этот чёрный мир на голубых столбах, мир умирающего озера.

Я отдышался, опять нырнул и быстро поплыл к самому большому окну.

Будто луч прожектора бил сверху. И в синем свете, как снежные хлопья, порхали блестящие рыбки. Я подплыл к голубому лучу и невольно протянул вперёд руку: казалось, ударь по нему, и он зазвенит, как стеклянный!

Но луч не зазвенел. Рука провалилась в него и стала синяя. И сейчас же по всему телу забегали мурашки. Это рыбки набросились на меня, как комары, и стали щипать тело мяг-

кими губами. Мелкие карасики, широкие, как бронзовые пятачки, щекотали бока и ноги, но мне было совсем не смешно: ведь делали они это от голода!

Раньше, когда моховой потолок не закрывал небо, на воду падало много разных насекомых, а под воду проникало много солнечного света. На свету пышно разрастались водоросли, среди водорослей поселялись разные червячки и личинки. Рыбы были сыты и веселы.

Сейчас только редкие насекомые проваливались в узкие окна. И только под окнами, где ещё проникал на дно свет, шевелились бледные тонкие водоросли.

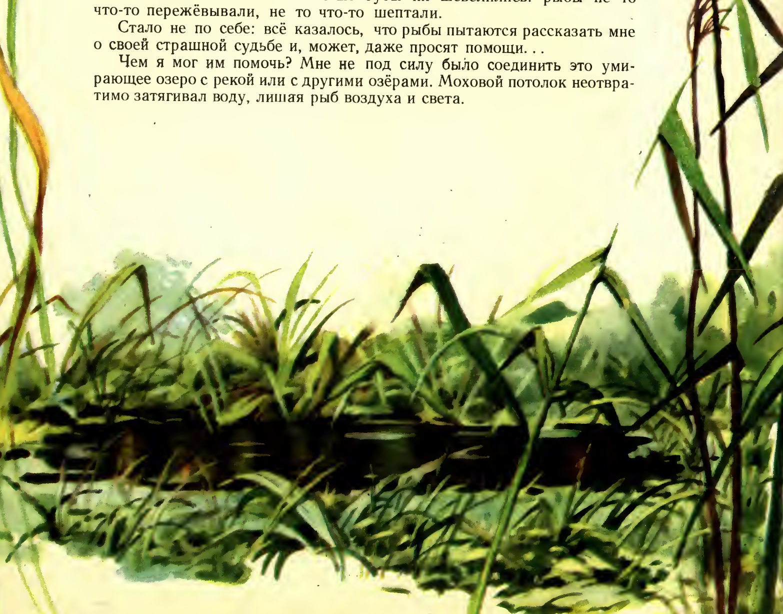
Озеро умирало, и вместе с ним должны были умереть рыбы. Караси попали в ловушку. Остался один выход — «окна». Но караси не птицы, им не вылететь через окно на свободу.

Вздохнув, я нырнул опять и поплыл к соседнему окну. Караси потянулись сзади и всё хватали и щипали меня жадными холодными губами.

Под соседним окном ворочались в грязи два больших карася. Завидя меня, они подплыли к самому моему лицу и уставились круглыми золотыми глазами. Толстые губы их шевелились: рыбы не то что-то пережёвывали, не то что-то шептали.

Стало не по себе: всё казалось, что рыбы пытаются рассказать мне о своей страшной судьбе и, может, даже просят помощи. . .

Чем я мог им помочь? Мне не под силу было соединить это умирающее озеро с рекой или с другими озёрами. Моховой потолок неотвратимо затягивал воду, лишая рыб воздуха и света.

Скоро толстые голубые столбы, на которых ещё держится этот тёмный мир, превратятся в тонкие лучики-нитки.

Жизнь озера повиснет на волоске.

Я подумал о самом страшном, о том, как большие рыбы начнут поедать своих же детей.

Мне стало так жутко, что я скорей взглянул вверх и с облегчением увидел над собой широкое светлое окно.

Посредине окна что-то шевелилось. Я потихоньку пошёл вверх. Вот у самой моей маски — тёмное утиное брюшко и красные утиные лапки. Дикая утка полощется в «окне». Красные лапки машут, как два красных платочка: до свиданья, до свиданья, до свиданья.

«Ишь, какая быстрая! — думаю я. — Вот схвачу сейчас за ноги, и будет не до свиданья, а здравствуйте!»

Я протянул руку к утиным лапкам и остановился: утиное брюшко и лапки облеплены карасёвой икрой!

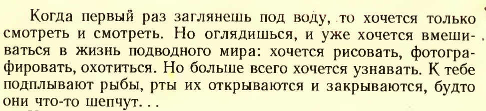
Вот где спасение!

Утка будет перелетать с озера на озеро и будет сеять карасёвую икру. Караси не исчезнут бесследно, как озеро. Они разведутся во всех соседних водоёмах. И спасёт их вот эта плосконосая глупая утка!

Не стал я хватать утку. Я с шумом вынырнул рядом с ней, утка в ужасе крякнула, хлестнула меня по щекам жёсткими крыльями и унеслась.

Я решил помочь утке, набрал полную маску карасёвой икры и перенёс в соседнее озеро. Лучшего я ничего не мог придумать.

ШЁПОТ РЫБ

Когда первый раз заглянешь под воду, то хочется только смотреть и смотреть. Но оглядишься, и уже хочется вмешиваться в жизнь подводного мира: хочется рисовать, фотографировать, охотиться. Но больше всего хочется узнавать. К тебе подплывают рыбы, рты их открываются и закрываются, будто они что-то шепчут. . .

Чтобы приучить к себе рыб и понять их язык, я устроил под водой сад. Я опустил на дно ёлочки и укрепил их большими камнями. Расчистил песчаные аллейки и обсадил их деревьями-водорослями. Под водорослями разложил большие раковины.

Ночью я зажигал в саду фонарь, рыбы заворачивали ко мне на огонёк и танцевали и порхали вокруг фонаря, как ночные бабочки.

На песчаной полянке я вбил кол и к колу прикрепил полочку. На полочку сыпал пареное зерно и крупу, клал червяков и кузнечиков. Это была кормовая полочка, совсем такая, как и для птиц. И, словно птицы, на полочку слетались яркие рыбы: окуньки, плотвички, уклейки. Начиналась возня, суматоха, догонялки и отнималки. Точь-в-точь как у птиц! Только не слышно было птичьего чириканья и писка. И не потому, что чириканья и писка не было: крику ведь было даже больше, чем у птиц. Но человеческое ухо так устроено, что не может слышать рыбьего голоса. Для этого нужно иметь особый сложный прибор.

У меня не было такого прибора, и я не слышал, что говорят рыбы. Но, кроме хитрых приборов, есть на свете простой, но верный способ услышать бессловесных животных. И не только услышать, но и понять, что они говорят. Для этого нужно очень их полюбить. . .

Мне очень понравились живые рыбы и потому, наверное, я понял, о чём они говорят.

Рыбы оказались большими хвастунишками! Они хвастали, что будто бы люди о их жизни знают совсем мало — куда меньше, чем о жизни зверюшек и птиц. Что вот только теперь, когда даже ребята смогут пользоваться водолазной маской и наблюдать рыб под водой, они расскажут людям кое-что интересное.

Рыбы хвастались, что они спасают людей от комаров и малярии: ведь они так много поедают комариных личинок!

Рыбы говорили, что если они покинут озёра и реки, то ребятам придётся выбросить свои удочки. А озёра и реки станут пустынны и неинтересны, как леса, из которых улетели птицы.

Рыбы жаловались. Они жаловались на жадных рыбаков, которые вылавливают их сетью с мелкой ячейкой. В такой сети запутываются даже мальки, не успевшие пожить и нагулять рыбьего жирку. Они жаловались на бесхозяйственных людей, которые сваливают в озёра и реки всякий хлам и спускают туда загрязнённую воду. От этого гибнут все рыбы: старые и малые.

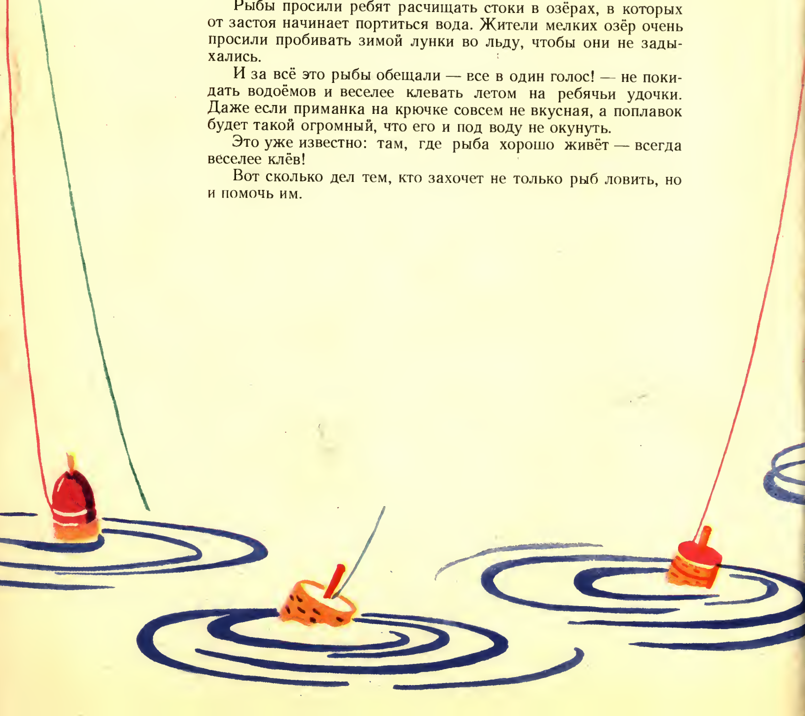
Щуки и форели жаловались на охотников, которые стреляют в них из ружей.

Рыбы просили ребят расчищать стоки в озёрах, в которых от застоя начинает портиться вода. Жители мелких озёр очень просили пробивать зимой лунки во льду, чтобы они не задыхались.

И за всё это рыбы обещали — все в один голос! — не покидать водоёмов и веселее клевать летом на ребячьи удочки. Даже если приманка на крючке совсем не вкусная, а поплавок будет такой огромный, что его и под воду не окунуть.

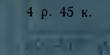
Это уже известно: там, где рыба хорошо живёт — всегда веселее клёв!

Вот сколько дел тем, кто захочет не только рыб ловить, но и помочь им.

СОДЕРЖАНИЕ

4 р. 45 к.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Николай Иванович Сладков

«В ПОДВОДНОМ ЛЕСУ»

Ответственный редактор Н. Л. Страшнова. Художник-редактор Ю. Н. Киселев. Технический редактор П. Л. Трусова. Корректоры Н. В. Богачева и Л. К. Малявко.

Подписано к набору 26/II 1960 г. Подписано к печати 7/VI 1960 г. Формат 60 × 92 1/8. Печ. л. 5. Усл. п. л. 5. Уч.-изд. л. 6,34. Тираж 215 000 экз. Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 45.

Цена 4 р. 45 к.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.